

Характеризуя состояние римского права к началу шестого века и определяя историческое место Дигест, И. С. Перетерский подвергает обоснованной критике своеобразный «эллиноцентризм» и «романоцентризм», проявляющийся иногда в исторической науке и выражающийся в том, что весь материал группируется обычно вокруг Греции и Рима. Другим странам древнего мира при этом уделяется недостаточно внимания. Такой подход сказывается и при изучении истории римского права. Исследование его развития ограничивается обычно рамками Западно-Римской империи, падение которой повело к тому, что с V в. на западе римское право перестало иметь общее применение. С этих позиций Дигесты рассматриваются как «результат» развития римского права, как своеобразное подведение итогов. Между тем Византия после кодификации существовала почти тысячелетие, и развитие права там не прекращалось. Достаточно упомянуть такие законодательные памятники, как Эклога, Прохирон, Василики и др. Поэтому и кодификацию VI в. следует рассматривать не как «подведение итогов», а как один из важных этапов развития римского права. И. С. Перетерский в связи с этим обращает внимание на значение Кодекса Юстиниана для изучения права VI в.

Анализируя основные источники права Восточно-Римской империи, И. С. Перетерский дает чрезвычайно интересную и яркую характеристику римских юристов и их сочинений. Римские юристы предстают перед нами как верные слуги класса рабовладельцев, как упорные консерваторы. В центре их внимания стояла охрана интересов собственника, предоставление ему всесторонней правовой защиты. Автор особенно подчеркивает практицизм римских юристов.

С III в. творчество юристов в известной степени потеряло свое прежнее значение, и основным источником права стала законодательная деятельность императоров. Начался «бюрократический период» римской юриспруденции.

К VI в. римское право испытало на себе влияние со стороны так называемого местного права. И. С. Перетерский отмечает, что римское право в ряде отношений впитало в себя правовые воззрения представителей различных частей империи и в первую очередь — греков³.

Касаясь влияния христианства на римское право, И. С. Перетерский отмечает, что это влияние было сильно преувеличено буржуазными исследователями. Изменения в праве были вызваны разложением рабовладельческого способа производства, а не влиянием церкви. Христианство веками уживалось с рабством. Так, Орлеанский собор 511 г. определил, что размер вознаграждения, который епископ обязан уплатить хозяину раба, посвященного в духовный сан, должен равняться двойной стоимости раба. Это правило, как указывает автор, может рассматриваться лишь как признание института рабства (стр. 26). Следует отметить, что церковь не только уживалась с рабством, но, на что уже обращал внимание М. Я. Сюзюмов, рабовладение защищалось всеми средствами церковного воздействия. Гангрский поместный собор предал анафеме лиц, принципиально выступавших против рабства. Эта анафема церковного собора воспроизводилась во всех последующих книгах по церковному праву. Никаких постановлений церкви, направленных против института рабства, не имелось⁴.

³ Западное местное право также оказывало свое влияние. Об эволюции права собственности под его влиянием см. в книге E. Levy. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951.

⁴ См. рецензию М. Я. Сюзюмова на книгу А. Hadjinikolau-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin*. ВВ, т. V, 1952, стр. 281.